

О РОДОВОМ ПРОЗВАНИИ ВЛАДИМИРА ВСЕВОЛОДОВИЧА МОНОМАХА

Великий князь Владимир (Василий) Всеволодович Мономах (1053—1125), дальновидный политик и самобытный писатель, оставил в русской истории глубокий след. Несомненно, что уже при жизни он приобрел народную любовь. Летописи, особенно Лаврентьевская и Ипатьевская, постоянно благожелательно высказываются о роде Мономаха и в год смерти князя помещают хвалебные некрологи, намного перекрывающие обычные посмертные церковные шаблоны (Лавр. лет., 293—295; Ип. лет., 289; Воскр. лет., 26).

Легенды о Мономахе, возникшие еще при жизни великого князя, оказали огромное влияние на оценку его деятельности в исторических трудах¹.

В создании легендарного облика Владимира Всеволодовича большую роль сыграло его необычное в русской среде прозвание *Мономахъ*. Это прозвание очень рано связывается с получением якобы киевским князем царского достоинства и венчанием его митрополитом Неофитом от имени византийского императора на русский великокняжеский стол. С появлением в XV в. «Сказания о князьях Владимирских» мнимое венчание Владимира приобретает характер официальной теории, и прозвание *Мономахъ* переводят на русский язык как «поединщик» или «единоборец» и объясняют очередной легендой о поединке с воеводой из Кафы². В настоящее время не вызывает сомнений объяснение прозвания *Мономахъ* родством Владимира Всеволодовича по матери с императорским домом Мономахов³, и историки солидарны с С. М. Соловьевым в том, что «естественно... Всево-

¹ Летописные известия и выписки из наиболее значительных трудов о Мономахе см.: Орлов А. С. Владимир Мономах. М.—Л., 1946, с. 34—53, 71—83.

² Критику см.: Татищев В. Н. История Российская. М.—Л., 1963, т. 2, с. 137, примеч. 376; Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1818, т. 2, с. 152—157, 161, примеч. 220—221, 230.

³ От Всеволода родися с[ы]нъ и нарече имя ему Володимерь от цар[и]цъ Грькынь (Лавр. лет., 160).

лод гордился происхождением сына своего от царя»⁴. Закономерно поэтому ожидать, что наименование Мономахъ, регулярно употребляющееся при назывании Владимира Всеволодовича⁵ и его потомков, является таким же родовым прозванием, как и у его деда Константина IX Мономаха.

Обратимся к летописям. Наименование *Мономахъ* употребляется вместе с именем князя либо без него: *великий кн[я]зь всея Руси Володимеръ Мономахъ*, 1124 (Ип. лет., 289): *Юрьи Володимеричъ Мономаховъ Долгорукой*, 1154 (Воскр. лет., 62), *князя Всеволода Мьстиславича, внука Манамахова*, 1119 (Твр. лет., 192). Изредка наименование *Мономахъ* вводится в состав антропонима великого князя словами «зовемый»: *Володимеръ зовемый Мономахъ с[ы]нъ Всеволожъ*, 1115 (Ип. лет., 280) и «наречень»: *князь великий Володимеръ Всеволодичъ наречень Манамахъ*, 1113 (Воскр. лет., 23). При наименовании *Мономахъ* мы встречаем в источниках также единичные антропонимические термины «дѣдне прозвище» и «прирокъ»: *родися Всеволоду Ярославичу сынъ от царици Грекини Манамахи, и наречень бысть Владимиръ Манамахъ, дѣднимъ прозвищемъ*, 1053 (Твр. лет., 151); *от племяя Володимеря прирокомъ Манамаха*, 1223 (Сузд. лет., 507).

Таким образом, название *Мономахъ* является составной частью антропонима Владимира Всеволодовича, особенно при описании официальных событий в жизни великого князя и его потомков. Несмотря на широкую известность наименования, как видим, летописцы и последующие исследователи личности великого князя не выработали единой точки зрения на терминологическое определение антропонима *Мономахъ*, но и нигде не называют его родовым прозванием.

На наш взгляд, антропонимические термины русских летописей при слове *Мономахъ*: «дѣдне прозвище» и «прирок» не отвечают действительности.

Наименование *Мономахъ* у Константина IX Мономаха, деда Владимира по матери, было родовым прозванием, т. е. наследным наименованием, а не личным прозвищем. Греческие императоры обращали в свое прозвание имя своего места рождения: Михаил Аммореянин получил прозвание от Аммореи, находившейся в Верхней Фригии, Лев Исаврянин от Исаврии. Некоторые императоры прозывались от каких-нибудь внешних особенностей качеств, например: Алексей Марцуфул прозывался так из-за сросшихся и висевших над глазами бровей, Константин

⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1959, т. 2, с. 699, примеч. 93; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966, т. 1, с. 555 (раздел написан Б. А. Рыбаковым).

⁵ См. напр. Ип. лет.: стб. 1, 248, 276, 289, 303, 675, 716 (дважды). М. П. Погодин ошибся, сказав, что «в Киевской летописи по Ипатьевскому списку оно (имя, по его терминологии, *Мономахъ*.— Г. В.) встречается только в известии о кончине» (Погодин М. П. О Поучении Мономаховом. СПб., 1862, с. 14).

Погонат из-за длинной бороды, другие обращали в свое прозвание личное имя своего знаменитого предшественника — Августа, Флавия, Константина и т. п.⁶ Прозвание *Мономахъ* у Константина IX также «было прозвищем родовым, первоначально, может быть, заимствованным и от личного качества — только не Константина IX»⁷. Родовые прозвания греков, благодаря политическим и культурным связям, бракам между аристократическими домами, были широко известны в Киеве. Русские летописи в целом безошибочно выдерживают генеалогию византийских императоров. То, что при этом греческие императоры «прозывались», «именовались», их родовые прозвания толковались, переводились на русский язык и т. п., как прозвание *Мономахъ* у Владимира Всеволодовича: *царь именемъ Мономахъ* (Константин IX Мономах, Лавр. лет., 154); *при Костянтинъ иконоборци* (Константин V Копроним, Лавр. лет., 165); *к Ивану нарицаемому Цѣмьскию царю Гречьскому* (Иоанн Цимисхий, Лавр. лет., 72); *Левонъ ѿ [а]рствова с [ы]нъ Васильевъ иже Левъ прозвас [я]* (Лев VI Философ, Лавр. лет., 22), может свидетельствовать только об относительности древнерусской антропонимической терминологии.

Широкое распространение среди исследователей по отношению к антропониму *Мономахъ* получил термин *прирок*. При этом исследователи полностью отождествляют термины *прирок* и *прозвище*⁸. Между тем доказывается, что вплоть до XVII в. термин *прозвище* являлся равнозначным термину *личное имя*⁹.

Итак, мы в одном и том же древнерусском контексте должны ожидать термины: *прирок*, *прозвище* и (*личное*) *имя*. Несмотря на всю подвижность древнерусской терминологии, трудно согласиться с полной синонимичностью данных терминов. Одно из отличий термина *прозвище* от термина *личное имя* мы видим в том, что прозвище уже в древний период, вероятно, имело шутливую, ироническую, пренебрежительную окраску. И. И. Срезневский, например, наряду с основным значением для термина *прозвище* — «прозвище, прозвание» — фиксирует также

⁶ См.: *Морошкин М.* О фамильных именах у нынешних европейских народов. — ЖМНП, 1854, № 11, с. 19 сноски.

⁷ *Скабаланович Н.* Византийское государство и церковь в XI веке. СПб., 1884, с. 53.

⁸ «В летописях Мономах считается прозвищем и называется прироком» (*Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его «Поучение». М., 1901, с. 57); «Мономах, конечно, не имя, а прозвище: «прироком» (прозвищем) называет его и Ипатьевская летопись под 1124 г.» (Повесть временных лет. М. — Л., 1950, ч. 2, с. 432, комм. Д. С. Лихачева). Под 1124 г. в Ипатьевской летописи термин *прирок* не встречается, ссылка дана ошибочно. Нашу ссылку на термин *прирок* по Суздальской летописи см. выше.

⁹ См.: *Зинин С. И.* Из истории антропонимической терминологии. — В кн.: Антропонимика. М., 1970, с. 24—26; *Туликов Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903, с. 8—11.

значение «бранное прозвище»¹⁰. Дополнительное оценочное содержание в дальнейшем входит в определение прозвища¹¹, и поэтому, принимая *Мономахъ* за прозвище, трудно ожидать одобрительную интерпретацию в истории слова с негативной окраской.

Как мы указали выше, полностью игнорируется различие между терминами *прирок* и *прозвище*. По нашему мнению, невозможно отождествлять семантику старых слов, в том числе терминов, с их современными соответствиями. Если наименование *Мономахъ* современники русского князя понимали как личное прозвище, то в летописях мы должны были бы встретить уже существующий в языке термин *прозвище*, но мы с антропонимом *Мономахъ* находим только термин *прирок*. Возможно, различие между термином *прозвище*, которое, как пишет С. И. Зинин, до XVII в. «обозначало лишь русские имена»¹², и термином *прирок* — в способности последнего соотноситься только с заимствованными именами. Ср.: *Еасъ иже есть прирокомъ Лохросъ; Парида роди прирокомъ Александра*¹³; *Князь Литовский Иванъ, а прозвище ему Баба; Отрохимъ Семеновичъ, прозвище Курвель*¹⁴. К сожалению, употребление термина *прирок* с заимствованными именами, а термина *прозвище* с русскими не является абсолютным дифференцирующим признаком, и сфера использования каждого из терминов требует дополнительных разысканий¹⁵.

Таким образом, мы должны исключить из научного обихода отождествление древнерусских антропонимических терминов *прирок*, *прозвище* и (личное) *имя* и понимание наименования *Мономахъ* как личного прозвища князя Владимира.

Наконец, из-за широкой распространенности *Мономахъ* не могло быть также третьим дополнительным к мирскому *Владимир* и христианскому *Василий* личным именем великого князя,

¹⁰ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1902, т. 2, стб. 1528—1529.

¹¹ «Прозвище — назвище, название, данное от какого-либо качества, душевного или телесного, либо по какому-нибудь деянию» (Словарь Академии Российской. СПб., 1794, т. 5, с. 419); «Прозвище — имя, которое приложили к кому-нибудь в шутку или по какому-либо случаю» (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956, т. 3, с. 485).

¹² Зинин С. И. Из истории антропонимической терминологии, с. 25. Ср.: «В XVI и XVII вв. функцию личных имен в обществе выполняли имена христианские, русские же имена употреблялись в значении прозвищ и назывались словом «прозвище»» (*Чичагов В. К.* Из истории русских имен, отчеств и фамилий. М., 1959, с. 19).

¹³ Ивакин И. М. Князь Владимир Мономах, с. 57; Срезневский И. И. Материалы для словаря..., т. 2, стб. 1451.

¹⁴ Тупиков Н. М. Словарь..., с. 11 и сл.

¹⁵ Нам известен единственный пример «введения» русского имени термином *прирок* — имя Владимиро-Волынского митрополита из Ипатьевской летописи под 1223 г.: «*Микифоръ прирокомъ Станило*».

как полагал С. М. Соловьев¹⁶. Третьи имена, даваемые по материнской линии, как у сына Мономаха Мстислава (Федора) — Гаральд, у внука Мономаха Андрея Боголюбского — Китай и т. п., в княжеских семьях не были редкостью¹⁷, но сохранились очень немногие из них¹⁸. Есть предположение, что они предшествовали в быту уменьшительным формам христианских имен и из-за своего обыденного характера не могли быть зафиксированы в официальной литературе Древней Руси.

Итак, мы приходим к выводу, что антропоним *Мономахъ* на русской почве воспринимался, как и его греческий прообраз, только как родовое прозвание.

Об использовании Владимиром Всеволодовичем наследного имени в династических целях, в качестве аргумента принадлежности к императорскому роду Мономахов, неопровержимо свидетельствуют дошедшие до нас княжеские буллы Владимира Мономаха.

Один из крупнейших специалистов по византийской и русской сфрагистике Н. П. Лихачев утверждает, что «наиболее распространенным типом византийских печатей являются многочисленные и довольно разнообразные серии с призыванием помощи божией, с формулами — или «господи помози...» (Κυrie βοηθει), или «богородица помози...» (Θεοτόκε βοηθει), и в эпоху наибольшего византийского влияния на молодое Русское государство формула столь распространенного в Византии призывания помощи божией не могла не отразиться на целом ряде памятников»¹⁹. Действительно, среди русских княжеских печатей мы находим более 20 с формулой на русском языке: «Господи помози рабу своему Василию», и их количество постоянно растет²⁰. В Византии могло быть несколько типов печатей в зависимости от назначения — обычно три. Доказательством того, что и русские печати с формулой «Господи помози рабу своему Василию» принадлежат именно князю, а не духовному или иному лицу, служит единственная печать другого типа с русской формулой: «Господи помози рабу своему Василию, кн[я]зя Русьскаго»²¹. Наконец, наиболее ценная для нас находка последних лет была сделана в 1960 г. на новгородском Городище. Формула княжеской буллы на греческом языке гласит: Σφραγ[is] Βασιλείου του πανευγενεστατου αρχοντος Ρωσιας του

¹⁶ «Мономахъ» не был прованием, но именем, данным при рождении, точно таким же, какими были Владимир и Василий» (Соловьев С. М. История России ..., т. 2, с. 699, примеч. 93).

¹⁷ Пов. вр. лет, ч. 2, с. 432.

¹⁸ См.: Ивакин И. М. Князь Владимир Мономах..., с. 54—55.

¹⁹ Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1928, вып. 1, с. 103, 106.

²⁰ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970, т. 1, с. 70, 187—189.

²¹ См.: Лихачев Н. П. Материалы для истории ..., с. 109.

Μονομάχ[ου] «Печать Василия, благороднейшего архонта Руси, Мономаха»²².

Таким образом, печати Владимира Мономаха сильно ориентируются на греческие образцы. Таких разнообразных типов печатей, характерных скорее для Византийской империи, чем для Руси, не обнаружено ни для одного из русских князей. Особенно необычна на русской почве надпись на последней из найденных печатей. Титулатура на ней — «Василий, благороднейший архонт Руси, Момах» — напоминает начало «Поучения» Владимира Всеволодовича: «Азъ худыи дѣдомъ своимъ Ярославомъ благославленнымъ славнымъ наречнымъ въ кр[е]щении Василий Русьскимъ именемъ Володимеръ отцемъ възлюбленнымъ и матерью своею Мьномахы» (Лавр. лет., 240). Мы в обоих памятниках обнаруживаем редкое христианское имя Владимир — Василий²³.

Оба памятника фиксируют достоверное и «собственноручное» написание князем родового прозвания *Мономахъ*. Владимир также использует в своей булле редкий в русской сфрагистике греческий титул князя архонт и уникальный для Киевской Руси византийский же титул *πατριάρχης* «благороднейший». Бывший в пользовании Владимира Всеволодовича тип княжеской актовой печати с греческой надписью, как и его «Поучение», раскрывает стремление Мономаха выделиться из среды русских князей, утвердить свое превосходство в Киевской Руси. Использование родового прозвания наряду с полной титулатурой князя на вислой печати, являвшейся в Древней Руси атрибутом власти, исключает понимание *Мономаха* как прозвища.

Наконец, употребление наименования *Мономахъ* в составе антропонимов наследников Владимира Всеволодовича должно дать окончательный ответ на вопрос, является ли *Мономахъ* родовым прозванием великого князя или личным прозвищем.

В памятниках прозвище русских монархов не употребляется самостоятельно ни при назывании носителя прозвища, ни при назывании их потомков. А наименование *Мономахъ* может употребляться без личного имени *Владимир*: *Владимеръ Андрѣевичъ внукъ Маномашъ*, 1136 (Ник. лет., т. 9, 207); *Юриу Манамаховичъ Долгорукии*, 1138 (Твр. лет., 202); *Георгия Манамаша Долгорукаго сынъ великыи князь Андрѣи, рекомыи Боголюбскии*, 1395 (Др. лет., 244).

Наименование *Мономахъ* при назывании потомков великого князя оказывается чаще всего в третьем составе наименования, обычно занимаемом, по терминологии В. К. Чичагова, прозвищ-

²² Янин В. Л., Литаврин Г. Г. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха. — Историко-археологический сборник. М., 1969, с. 204—221.

²³ Достаточно сослаться на заблуждения митрополита Макария, А. И. Мусина-Пушкина, В. Н. Татищева, принявших за крестное имя Мономаха Федоръ (Карамзин Н. М. История государства Российского, т. 2, примеч. 230, с. 132).

ным отчеством, например: *Андрѣя Володимерова сына Манамахова*, 1123 (Ник. лет., т. 9, 151), что дает другой повод к признанию именования *Мономах* прозвищем. Ср.: *Федор Иванов сын Шолохов*, 1510—1511 гг.²⁴

Если, вопреки сказанному о неразграничении до XVI в. личных имен и прозвищ, признать *Мономахъ* прозвищем Владимира, то мы должны распространить на него те же закономерности в функционировании прозвищ в составе антропонимов потомков, которые были выявлены В. К. Чичаговым для последующего периода развития русской антропонимической системы. Рассмотрим соображения В. К. Чичагова о функционировании прозвищных отчеств и дадим параллельно примеры использования наименования *Мономахъ* в именах наследников Владимира Всеволодовича.

1. Прозвищное отчество в составе антропонима не только сына, но и внука и более отдаленных потомков может следовать за именем, если только отсутствует собственное отчество: «Если же собственное отчество представлено в наименовании, то прозвищное отчество будет занимать в нем всегда третье место, т. е. оно будет следовать только после собственного отчества и никогда — наоборот»²⁵.

Наименование, образованное от *Мономахъ*, может следовать за личным именем потомка не только при отсутствии собственного отчества, но и при его наличии: *Всеволода Мьстиславича внука Манамахова*, 1119 (Твр. лет., 192); *Михалко с[ы]нъ Гюргевъ внукъ Мономаха* (Радз. лет. *Мономаховъ*) *Володимера*, 1177 (Лавр. лет., 379); *Всеволодъ с[ы]нъ внукъ Мономаховъ Володимеръ*, 1190 (Лавр. лет., 408).

2. В. К. Чичагов пишет, что «перед прозвищным отчеством... нередко ставилось слово прозвище»²⁶.

Мы перед посессивным образованием от наименования *Мономахъ* в летописных источниках не встречаем термина *прозвище* или *прирок*.

3. Будучи по происхождению притяжательными прилагательными, и собственно отчество и прозвищное отчество должны согласовываться с именем, но, если «собственно отчества, какого бы образования они не были, постоянно согласованы с именем, прозвищные отчества иногда не согласуются с личным именем и имеют форму родительного падежа на -а»²⁷.

Антропонимические образования с участием *Мономаха* всегда согласуются с именем: *Всеволодъ Юргевичъ Володимеръ внукъ Мономаховъ*, 1187 (Лавр. лет., 405); *Георгій Володимеричъ Манамашъ*, 1135 (Воскр. лет., 29); *Глѣба Святославичя... препрапращура Ростиславля Мстиславичя Володимерова сына*

²⁴ Чичагов В. К. Из истории русских имен..., с. 55.

²⁵ Там же, с. 44—45.

²⁶ Там же, с. 56.

²⁷ Там же, с. 46.

Манамахова, 1396 (Ник. лет., т. 11, 162). Интересно, что антропоним с родительным падежом на *-а* не от посессива, а от именования *Мономахъ*, встретившийся нам в Лаврентьевской летописи: *Всеволодъ Гюргевичъ [б] внукъ Володимеръ Мономаха*, последовательно трансформирован в Радзивилловской летописи и Академическом списке: *Всеволодъ сынъ Георгеъ внукъ Володимеровъ Манамаховъ*, 1199, 1201 (Лавр. лет., 414, 416).

4. Собственно отчества и прозвищные отчества различались также в отношении суффиксов. «Собственно отчества, кроме суффиксов, общих с прозвищными отчествами, могли образовываться с помощью суффиксов *-ович*, *-евич*, *-ич*; в свою очередь прозвищные отчества могли иметь некоторые «свои» суффиксы»²⁸.

Отчества, образованные от *Владимир*, и посессивы от *Мономахъ* в словообразовательном отношении ничем друг от друга не отличаются; они образуются функционально при помощи одних и тех же суффиксов: *-ъ*: *Всеволодъ Юргевичъ внукъ Володимеръ*, 1187 (Лавр. лет., 406); *Андръй Юревичъ Боголюбской внукъ Володимеричъ Манамашъ*, 1169 (Воск. лет., 84); *-ичъ*: *Андръи Володимеричъ* (Ип. лет., 309); *Андрей Володимеровичъ*, 1124 (Новг. II лет., 124); *Юрии Манамаховичъ Долгорукии* (Твр. лет., 202); *-овъ*: *Ярополкъ сынъ Володимеровъ Манамашъ*, 1125 (Ник. лет., т. 9, 153); *Юрьи Володимеричъ Маномаровъ Долгорукой*, 1154 (Воскр. лет., 62). При образовании посессивных форм от личного имени *Владимир* преобладает династический суффикс *-ичъ*, а от *Мономаха* посессивы образуются преимущественно при помощи *-овъ*, *-ъ*. Но при этом регулярная замена одних притяжательных форм другими говорит об их равнозначности.

5. В. К. Чичагов различия в функционировании собственно отчеств и прозвищных отчеств связывает с их различием в значении. Собственно отчества «указывают на принадлежность сына известному отцу, а в верхушечных слоях и на «честь» именуемого», а основная функция прозвищного отчества состояла в том, чтобы «служить дополнительным признаком именуемого в обществе»²⁹.

В отличие от прозвищного отчества посессивные образования от *Мономахъ* не несли никакого различительного признака. Они употребляются в описательных конструкциях, где генеалогическая цепочка не допускает никаких различий. Использование таких посессивов при именовании потомков Владимира Всеволодовича преследует единственную цель приобщения к «честь» знаменитого князя, поэтому в летописи посессивы, образованные от *Мономахъ*, мы обнаруживаем при восшествии князей на стол,

²⁸ Там же, с. 44.

²⁹ Там же, с. 45.

их смерти, при их больших сборах, закладке городов, церквей и т. д.

Таким образом, несмотря на некоторые чисто внешние совпадения: употребление посессивных форм, образованных от *Мономахъ*, как и прозвищных отчеств, в третьем составе наименования, преимущественное использование в антропонимической модели суффикса *-овъ*, характерного и для прозвищных отчеств,—последовательно нарушаются все критерии, связывающие притяжательные формы с *Мономахом* в основе с прозвищным отчеством. Происходит это потому, что нарушен главный принцип, выдвинутый В. К. Чичаговым: «...прозвищные отчества... образовывались от прозвищных имен», т. е. *Мономахъ* в притяжательных формах не личное прозвище Владимира, а родовое прозвание. Несмотря на необычность явления, русский язык в течение столетий удерживал различие между посессивами от родового прозвания *Мономахъ* и прозвищными отчествами. Поэтому мы должны говорить не об образовании прозвищных отчеств от прозвища *Мономахъ*, а о функционировании родового прозвания великого князя при именовании его потомков.

Неотъемлемым признаком родового прозвания является его способность переходить по наследству. В Новгородской III летописи мы, действительно, встречаем неизменяемую форму родового прозвания при именовании сына Владимира: *Мстиславъ Володимировичъ Новгородский Мономахъ*, 1103 (Новг. III лет., 213). Но для русской антропонимической системы в отличие от западноевропейской не характерно нанизывание имен в словарной форме, оно может вести к смешению именовании отца и сына. Не только у потомков, но и у самого Владимира Всеволодовича употребление рядом двух составов наименований приводит в дальнейшем к парадоксальной попытке осмысления *Мономаха* как отличного от Владимира Всеволодовича лица, например, в Комиссионном списке Новгородской I летописи читаем: *Всеволодъ роди Володимера, Володимеръ роди Мономаха, Мономахъ роди Юрья или Сынове Всеволожи: Володимеръ, Ростиславъ. Сынове Володимеровы: Мономахъ, Мъстиславъ, Ярославъ, Ярополкъ, Вячеславъ, Всеволодъ, Юрьи, Аньдръи* (Новг. лет., 465).

Отсутствие естественных родовых прозваний по княжениям в домонгольской Руси может служить ответом на вопрос, почему русские летописи, хорошо сознавая различие между антропонимом *Мономахъ* и личным именем, не употребляли термина «родовое прозвание». Так называемое «лествичное» восхождение на великокняжеский стол³⁰, т. е. переход князей из удела в удел и в связи с этим отсутствие наследственных прав на

³⁰ Соловьев С. М. История России, т. 2, с. 343—349; Карнович Е. П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. СПб., 1886, с. 10—14.

определенное княжение, постоянная борьба за более значительный стол лишали всякого смысла родовое прозвание. Поэтому появление родового прозвания Владимира Всеволодовича связано не с отцовской, а с материнской линией родства. Греческие женщины могли сохранять в замужестве свои девичьи родовые имена (*Анна Комнина, Ирина Хумно Палеолог* и т. д.) и даже передавать их детям. Найденные печати Феофано Музалон, жены Олега — Михаила Святославича (Гориславича), Марии Мо[...]ах, приписываемой матери Владимира Всеволодовича, не известной по другим источникам по имени³¹, говорят о том, что византийские аристократки сохраняли свои обычаи и на Руси. Передача же матерью Владимира своего родового прозвания сыну — случай, видимо, уникальный в русской истории. О том, что современное Владимиру Всеволодовичу русское общество находило этот обычай естественным и закономерным, свидетельствуют не раз цитировавшиеся после Н. М. Карамзина слова митрополита Никифора: «Его же Богъ издалека проразумѣ и предповелѣ, его же изъ утробы освятить и помазавъ от царское и княжеское крови смѣсив»³². Удержалось же родовое прозвание *Мономахъ* в истории еще и потому, что ассоциировалось не с конкретным удельным, а с киевским, великим княжением. Поэтому *Мономахъ* является своеобразным синонимом к последующему титулу «Великий», который официально прилагался к антропониму великих и невеликих даже князей, начиная только с Мстислава Владимировича — сына Мономаха. Участие антропонимических образований с *Мономахом* в любом оформлении при назывании князя говорило о восхождении родословной носителя имени к великому князю, что способствовало в дальнейшем официальной интерпретации Владимира Мономаха как царя, например: *Глѣбъ, сынъ Юрьевъ, внукъ Владимира Маномеха*, 1148 (Ник. лет., т. 9, 177); князя *Глѣба Святославича, внука Иванова, правнука Александрова, праправнука Глѣбова, преправнука Ростиславля, пращура Мстиславля, прапращура Давидова, препрапращура Ростиславля Мстиславича, Володимерова сына Манахова*, 1396 (Ник. лет., т. 11, 162).

Таким образом, наименование *Мономахъ* в составе собственного имени Владимира и его наследников мы считаем единичным в русской истории родовым прозванием, а не прозвищем и не личным именем, а употребление его у потомков Владимира Всеволодовича с притяжательными суффиксами *-овъ, -ѣъ*, а затем и с *-ичь* — приспособлением к русской антропонимической системе. На отсутствие в русском языке до XV в. антропоними-

³¹ См.: *Лихачев Н. П. Материалы для истории...*, вып. 1, с. 117—120, 136—138; *Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси...*, т. 1, с. 17—19, 24—28.

³² *Карамзин Н. М. История государства Российского*, т. 2, с. 137, примеч. 243.

ческих моделей для выражения родовой принадлежности указывает также тот факт, что, наряду с очень ограниченным количеством притяжательных форм от родового прозвания *Мономахъ*, летописи, особенно старшие по времени написания, предпочитают описательные конструкции: *Дюргя с[ы]на Володимира Мономаха*, 1149 (Ип. лет., 383); *Андрѣи с[ы]нъ великаго князя Георгия внука Мономаха Володимера*, 1175 (Лавр. лет., 367); *Костянтинъ с[ы]нъ Всеволожь внука Гюргевъ правнук[ъ] Володимера Мономаха*, 1218 (Лавр. лет., 442).

С развитием собственно русских способов образования родовых прозваний и фамилий путем постепенного перерастания личного имени и прозвища в отчество и прозвищное отчество, затем в «дѣдне отчество» и, наконец, в родовое прозвание и в фамилию, постоянно существовавшие в языке посессивные формы с *Мономахом* в основе, могли, вероятно, восприниматься как фамилии. Иначе трудно объяснить появление многочисленных Мономаховых в XV—XVI вв.: *боярский сынъ Михайло Андреевъ Мономаховъ*, 1566: *стряпчи Иванъ Игнатьевъ Мономаховъ*, 1658, 1660 и др.³³ Столь оригинальная фамилия и десятки поколений, отделяющих Владимира Всеволодовича от Мономахов XVI в., исключают возникновение последних на русской почве и объяснение их как прозвищных отчеств отца и деда.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Др. лет.	— Древний летописец, XVII в.— Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), 1897, т. 11.
Воскр. лет.	— Воскресенская летопись, нач. XV в.— ПСРЛ, 1956, т. 7.
Ип. лет.	— Ипатьевская летопись, около 1425 г.— ПСРЛ, 1908, т. 2.
Лавр. лет:	— Лаврентьевская летопись, 1377 г.— ПСРЛ, 1926, т. 1.
Ник. лет.	— Патриаршая или Никоновская летопись, 2-я пол. XVI в.— ПСРЛ, 1862, т. 9; 1897, т. 11.
Новг. лет.	— Новгородская летопись старшего и младшего изводов, 1-я пол.—сер. XV в. М.— Л., 1950.
Новг. II лет.	— Новгородская II летопись, конец XVI — нач. XVII в.— ПСРЛ, 1841, т. 3.
Новг. III лет.	— Новгородская III летопись, конец XVII в.— ПСРЛ, 1841, т. 3.
Пов. вр. лет	— Повесть временных лет. М.— Л., 1950, ч. 2.
Радз. лет.	— Радзивилловская летопись.
Сузд. лет.	— Суздальская летопись по Академическому списку XV в.— ПСРЛ, 1928, т. 1.
Твр. лет.	— Тверская летопись, 1534 г.— ПСРЛ, 1863, т. 15.

³³ Ивакин И. В. Князь Владимир Мономах..., с. 59, сноска.